

Откуда взялась трещина?

Аня смотрела на витраж, ничего не понимая.

Может, она неосторожно положила стекло на стол или слишком резко прислонила к стене. Или был изначальный брак — и она просто не заметила трещины?..

Потому что слушала музыку.

Возможно, так и было, и все началось с музыки.

* * *

Она прошла наверх, подключила розетки в автомате и открыла кабинет. В глаза ударил свет, и Аня на секунду зажмурилась — от яркого света глазам всегда было больно. Сняв пальто и пересчитав стекла, она обратила внимание на одно необычно длинное стекло. Аня пожала плечами, протерла стол, проверила инструменты и включила музыку.

Вошел Стас, держа четыре грязных прямоугольника выше его роста.

— Сегодня не обрабатывал, извини. Завал полный.

Аня кивнула.

— Все как обычно?

— Да. Только одно стекло очень длинное, выровняй его под шаблон. Вот оно, видела?

Стас вышел, и Аня посмотрела на длинное стекло, которое высилось над остальными непривычным уродцем.

Развернув шаблон, Аня разложила его на столе и закрепила прозрачным скотчем. Потом она подошла к стеклу, провела по нему пальцами — и тут же брезгливо отдернула. Для экономии времени обычно мылась только одна сторона, но «уродец» был слишком грязным. Аня протерла одну поверхность вертикально, а потом взяла стекло, чтобы уложить его на шаблон чистой стороной вниз и уже после помыть рабочую сторону. Но это оказалось не так просто: узкая трехметровая громадина заколыхалась, чуть оторвавшись от стены, грозя переломиться пополам и обвалиться на голову. Быстрым движением Аня перевернула стекло горизонтально, положив край себе на ногу, взяла его сверху, равномерно расставив ладони, и подняла. Потом она аккуратно прислонила край к столу, приподнимая под углом, и уложила стекло на шаблон.

Определив центр, она установила плашки и вымерила размеры рулеткой, чуть не порезавшись при этом об острый край.

Ане часто приходилось иметь дело с необработанной кромкой, и она страшно этого не любила: когда обрезаешь пленку по краю, из-под ножа буквально летит стекло. Надо быть осторожнее.

По комнате плыл вязкий черный голос, а по стеклу растекалась нитяная сетка клея. Фацет — огранный стеклянный квадратик — надо прикладывать аккуратно, медленно прижимая одним боком, после чего быстрыми точными движениями выгонять изнутри пузырьки воздуха. Потому что после включения УФ-лампы они останутся там навсегда и будут бликовать под каждым солнечным лучом. Лампа горела фиолетовым светом, гелевые ногти светились синим — не больше восьми секунд: этого достаточно, чтобы фацет намертво приклеился к стеклу. Теперь следующий. Обычно на стекло уходило три фацета, но, оценив «уродца», Аня отложила пять.

Она прислушивалась к плывущему голосу, и ей хотелось услышать другой — не по радио, а рядом, у самого уха, — скорее даже почувствовать, чем услышать. На секунду Аня закрыла глаза, уставшие от фиолетового мерцания, и перед внутренним взором сразу возникло лицо — гетерохромное, неповторимое в своей природной асимметрии. Широко распахнутые, как в испуге, разноцветные глаза будто враждовали между собой: темно-карий отталкивал и пугал, а зеленый манил и казался отражением Аниного лица. Очнувшись, она уперлась взглядом во все тот же кусок стекла, в фацет, в каждой его грани продолжая видеть глаза, уже не понимая, кому они принадлежат на самом деле.

Зеркальный взгляд и такое же зеркальное имя: Ян. Словно ее собственное имя перевернули, отрезав одну букву.

«Не думать об этом. Не думать».

Она развернула моток ленты и быстрыми движениями уложила по рисунку. Прикатала и обработала. Музыка плыла над стеклом и почему-то отвлекала и причиняла боль.

«Не думать. Не...»

Она задела острую кромку и порезала палец. Странно, но от этого ей стало как будто спокойнее — теперь у боли хотя бы была официальная причина.

Аня оторвала кусочек бумаги от рулона и приложила к порезу, как делают мужчины после бритья. Но порез был слишком глубоким. На стекло сквозь тонкую бумагу закапала кровь, и это показалось таким красивым, что Аня остановилась и некоторое время просто стояла и смотрела, как растекаются густые капли. Типовой пленочный витраж в цеху — занятие довольно скучное, а так оно будто стало необыкновенным: стекло обрело цвет, и фактуру, и точный смысл.

Опомнившись, Аня оторвала кусок бумажного скотча, заклеила порез и пошла на рабочую кухню налить себе кофе.

Стеклянные порезы заживают долго, мучительно. Хорошо, когда есть медицинский клей, и даже обязательно — чтобы какая-нибудь дрянь не попала. Но сначала должна остановиться кровь. Впрочем, с пластырем то же самое, даже если это не пластырь, а просто скотч. Бестолковая полоска намокла и отвалилась, Аня сняла ее и выбросила в пакет, закусив палец.

Резаться — больно, это понятно. Но почему так больно — от музыки?

Валя, рыжая полная фурнитурщица, вывела Аню из раздумий.

— А правда, что ты поешь?

Аня повернула голову и удивленно посмотрела на нее. На Вале был грязный комбинезон. Она сидела на кухне, пила чай и ела колбасу прямо из упаковки. Аня не сразу нашла, что ответить.

— Ну... Раньше пела. Теперь нет.

— А че так?

У Вали почему-то всегда были жирные волосы.

Аня посмотрела на нее и почувствовала непреодолимое желание все ей рассказать — про Яна, про его Тишину, про чернику, часы и мертвую девочку, про своего бывшего мужа и его жену, про детей... Про музыку.

«Не думать».

— Устала, — сказала Аня.

— А-а-а... — протянула Валя, не переставая жевать, словно теперь-то ей все стало понятно. — Че, порезалась?

— Ага.

— Пластырь дать?

— Давай.

— Ща, доем.

— Ага, спасибо.

Немного подождав, Аня спустилась в подсобку и сама взяла пластырь. Потом села у входа и прикурила. Валя присела рядом, опершись о сломанный станок.

— А откуда ты знаешь?

— Че?.. А, это. Фотку в соцсетях видела. С микрофоном. Ты там красивая. Это не в смысле, что ты щас некрасивая, а в смысле, что там.

— А, — протянула Аня. — Это старая.

Глупо быть красивой в мебельном цеху, где кроме нее только две бабы и несколько пропитых мужиков. Впрочем, неважно, потому что это всего лишь подработка. Основное место ее работы — собственная витражная мастерская, светлая и просторная.

Аня любила открыть двери своей мастерской, взять в руки звенящее прозрачное стекло, уложить его на тщательно отрисованный шаблон и долго подбирать пленки. Свое особое значение имел каждый оттенок, направление мраморных жилок, плавный цветовой переход. Стекланный лист делался многоцветным, голубые и зеленые пятна плыли по потолку, и мастерская становилась похожей на планету. Несколько движений — и планета заселялась деревьями, птицами, насекомыми. Люди в этом помещении почти не появлялись. А если и появлялись, то совсем не те.

Над цехом дымилась древесная пыль, оседающая повсюду желтоватым слоем. Станки, зеркала, ботинки рабочих, их спины и лбы — все носило на себе отпечаток этой пыли. Аня затушила пыльной сигаретой, вспоминая, как писала Яну из мастерской. Жаль, что он в ней так и не побывал. Аня достала из кармана телефон и прочла старое, полугодовой давности, сообщение: «Ten, kto wyjeżdża, zawsze zabiera ze sobą tylko jedną trzecią goryczy. Dwie trzecie dostaje ten, kto zostaje»¹.

«Не думать об этом. Нет никакой Тишины».

Она затушила сигарету в пепельнице и пошла наверх: нужно было продолжать работу.

---

¹ Тот, кто уезжает, всегда увозит с собой только треть печали. Две трети получает тот, кто остается (польск.).

* * *

Аня пела всегда.

Когда в детстве они с мамой ехали на троллейбусе, Аня первым делом бежала на место кондуктора, вскарабкивалась на высокое кресло, крытое обычно каким-нибудь половиком, и начинала концерт. Сначала она победоносно осматривала публику, потом быстро вертела головой — не идет ли тетя-кондуктор? — закрывала глаза и делала вдох:

— Пла-а-ачу-у-у! Снова, слы-ы-ыши-ы-ышь, о тебе-е-е-е, люби-и-мы-ы-ыый, пла-а-а-ачу-у-у-у!

В этот момент, как правило, не плакал никто. Пассажиры лыбились и ржали в кулак. Где-нибудь к третьему куплету возле своего места возникала фигура суровой, сдержанно улыбающейся кондукторши.

— Та-а-ак, кто это у нас тут? А вот я тебя!

И Аня, взвизгнув, ныряла в проход и утыкалась в мамино пальто.

Но была в их маленьком закрытом городе, Северске, одна особенная кондукторша.

Говорили, что она, пробивая талончики, всегда поет. Что-то вроде:

— Дава-а-айте де-е-енежки-и-и, все ваши-и-и дене-е-ежки, сейчас тало-о-ончики-и-и я вам пробью-у-у...

И однажды они встретились.

В троллейбусе номер четыре было холодно, дуло буквально из всех щелей. У Ани трое штанов и фиолетовые губы. Поэтому петь ими ей даже в голову не приходило: она бежала к заветному креслу погреться. Под ним всегда работала какая-то вечная батарея, волшебная печь, от которой плавилась, трескалась и осыпалась шариками снежная корка на гамашах.

Слава богу, свободно! Аня с разбегу водрузилась на кресло и закрыла глаза, слушая шипение снега на ботинках, коснувшихся батареи. Но вдруг что-то приподняло

ее в воздух и шипение прекратилось. Кондукторша без сантиментов взяла ее за шиворот своими огромными ручищами в перчатках с обрезанными пальцами и молча поставила на пол. А сама заняла законное место и сказала неожиданно высоким чистым голосом:

— Де-во-о-очка моя-а-а синегла-а-аза-а-а-я-а-а...

Аня оторопело попятилась назад.

Еще долго ей снилась огромная, заслоняющая верхний свет фигура в перчатках без пальцев. И пальцы торчат из вязаных обрубков — толстые, красные, а на груди покоится несметный кошель.

Больше в троллейбусах Аня не пела. Только в трамваях иногда, да и то — тихо.

— 2 —

Пять лет назад, еще только начав заниматься витражами, Аня работала при большой стеклорезке. Однажды попался такой заказ: стекло, полностью оклеенное фацетами разной формы — прямоугольниками, квадратами, ромбами. И все они должны были располагаться встык, хотя вовсе для этого не предназначены: края по умолчанию закрываются свинцовой лентой. Но заказчик ленты не хотел, видимо, это представлялось ему особым шиком. Если бы он только знал, какой шлейф нецензурной брани тянулся за каждым из этих восьми стекол.

Шаблоны были точными. Фацеты подобраны штучно, каждый осмотрен, и все они для проверки укладывались по порядку без клея. Потом их начинали приклеивать, но в середине каждой работы схема обязательно менялась, как в галлюциногенном кошмаре.

— Капец, куда делись два миллиметра?

Злая растрепанная Ксюша брала несколько фацетов и шла обтачивать их вручную. Там уже стояла сонная Инна, большое пятно пота расползлось по ее спине.

Фацеты скалывались, перетачивались, недотачивались и бились — и каждый осколок равнялся полной стоимости всего листа. В воздухе висел звон битого стекла, напоминавший звук бесконечно работающего кассового аппарата. Когда Ксюша неправильно взяла стекло, в запаре забыв об элементарных правилах, — за один край, — раздался треск, мат, звон и Ксюша уволилась.

Аня осталась. Вместе с медлительной Инной они доделывали еще пять стекол. За новыми фацетами они ходили пешком по заброшенным железнодорожным путям через овощную базу. Иногда по дороге встречались стаи бездомных собак, и Аня с Инной старались перебирать ногами скорее, осторожно держа каждая свою ручку пакета с тремя — четырьмя коробками стекляшек внутри.

Пятно пота на спине Инны подсыхает и вновь расплывается, как плесень.

— Подвинь свое стекло, мы тут вдвоем не влезем.

Инна снимает фиксирующую пленку и двигает лист, но он не двигается. Она тупо смотрит на стол перед собой, совершая руками панические хаотичные движения, — что это, что это, почему оно не двигается? Аня уже понимает, что произошло, но еще надеется на какое-то внезапное чудо, на пробуждение — должны ведь эти галлюцинации когда-нибудь кончиться? Но нет: стекло лежит на том же месте. Оно приклеено к световому столу вместе с фацетами.

— Да как ты это?

— Ну, клей, наверное, затек. — Инна ревет, лицо у нее в пятнах, мокрых от слез, сероватое от волнений и усталости, похожее на бугристый асфальт.

— Настя, что делать?

Подходит дизайнер Настя, смотрит. Пытается подковыривать ножом, заливать спирт. Молчит. Через час ее парень привозит строительный фен, и они вчетвером по очереди пытаются медленно разогреть стекло, чтобы

оно отошло от столешницы. Когда стеклянная столешница с грохотом лопается ровно посередине и обваливается вместе с фасетной группой в деревянный поддон, все четверо медленно оседают вдоль стены.

Готовые восемь стекол невероятно красивы. Когда они стоят у окна, вся стеклорезка заливается радужными бликами. Солнечные лучи преломляются миллионами граней и образуют на стене, как под лучом проектора, моря, хрустальные горы и — абсолютную Тишину.

Ту Тишину, которую Ян откроет для Ани только через пять лет, — и Ане покажется странным, что она узнает ее так детально, словно родилась в каганате¹.

* * *

— Каганат Тишина. Ходзэ ту и плаче², как дурак. От красоты.

— Есть от чего заплакать.

Аня здесь впервые. Они идут рядом, Ян трогает ее волосы и несет сумку. Аня смотрит вверх и видит огромные, черные кедрачи. Черные тополя имеют такой обхват, что внутри дупла одного из них можно было бы поставить кровать. И прямо там зачать и вырастить несколько детей.

— Давай останемся здесь навсегда. — Аня тянет Яна к дереву. На темном стволе видны трещины, верхушки высохли и обломились. Ян прижимается носом к ее макушке, вдыхая воздух пахнущих древесиной волос, и тянет ее дальше.

— Смотри.

Аня послушно смотрит — и видит необыкновенного цвета озеро. Вода переливается на солнце, искрясь множеством оттенков.

— Это Изумрудное озеро.

---

¹ К а г а н а т — исторический тип государства, сформировавшийся на просторах Великой Степи. В тексте — воображаемый мир.

² Хожу тут и плачу (польск.).

— А ты мой железный дровосек, — улыбается Аня, — нам не хватает только собачки.

— Хочешь собачку?

— Нет, не хочу.

Они ложатся на берегу, Аня кладет голову на его колени и закрывает глаза. Ян гладит ее по лицу и что-то тихо напевает.

— Я долго искала какой-то идеальный город. Ну, по типу Изумрудного. Как-то увидела картинку, полную голубых тонов, там весь город — голубой, представляешь? И я представляла себе, что перевезу туда детей и мы будем там жить...

— Вшысцы разэм¹.

— Да. Но, ты знаешь, здесь мне нравится больше. Все-таки голубой город — это из какой-то другой сказки. Давай останемся здесь?

— А разве героини не должны хотеть вернуться из Изумрудного города домой?

— Я не хочу.

— Я тоже.

Они встали и пошли дальше. Кругом были сосны и кедры, под ногами — царство спящих бурундуков. Дорогу преградил огромный, полуразваленный ствол павшего дерева.

— Все в мире падет и окончится.

Ане показалось, что лежащий впереди ствол сделан из толстого темного стекла, что он пал и разбился, и сама Аня почувствовала себя разбитой и темной, и мир звякнул. Монитор покрылся тонкой сетью — то ли трещинок, то ли морщин.

* * *

Свинцовая лента легко ложится на стекло и плывет, изгибаясь, по ровной поверхности, как тонкая водяная змея. Порой Ане кажется, что она только запускает эту

---

¹ Все вместе (польск.).

змейку, а дальше та ползет сама, поворачивая к свету бока и сверкая литой чешуей. И за ней тянется бесконечный золотистый след, как за улиткой — шлейф ее секретий, оставляя четкий, единственно возможный орнамент. И, придя к очередной точке, змея сталкивается с собственным хвостом, образует некое подобие уробороса¹ — только не круглого, а витиеватого, будто танцующего.

За работой Аня часто поет, и тогда змейка бежит стремительней, и насечки на ее коже будто появляются сами собой. Насечки на самом деле нужны для лучшего прилегания («Не руби, перекатывай мягче», — учила ее Ксюша, и так же теперь учила всех Аня), но в такие моменты они были чем-то вроде годовых колец на дереве, только отмечали собой не годы, а минуты, даже секунды. И змея никогда не сбрасывает свою кожу, если только материал не попадетс бракованный — тогда верхний слой может полопаться, растрескаться или просто облезть, например, от спирта.

Спирт нужен для обезжиривания стекла. Аня использует технический — он дешевле. Хотя мебельный цех, например, закупает всегда чистый, но пробовать ей никогда даже в голову не приходило: опасно. Если она с ясной головой так резала пальцы, то что могло быть, если бы она опьянела?

Впрочем, такой опыт у нее тоже был. Однажды бывший муж, Влад, принес в ее мастерскую бутылку шампанского и конфеты на Восьмое марта. Было весело, мусорка доверху заполнилась блестящими обертками, но работать стало совершенно невозможно. Так сказать, похихикали и разошлись.

Хихикали они с мужем много. Разошлись — всего однажды.

---

¹ Уроборос — мифический символ, одно из значений которого бесконечность.

Аня хорошо помнит, как они пили шампанское последний раз в тот день, когда он ушел. Почему-то они сидели и обсуждали способы утилизации мертвого тела из ванны. Он смаковал подробности и вспоминал, что где-то читал историю о вдовце, топившем своих богатых жен.

— Он просто опаивал их шампанским, набирал для них ванную и массировал плечи. А потом неожиданно, уверенно и четко брал за голову и погружал ее в воду. Ни один судмедэксперт не мог назвать его виновным — в морге констатировали смерть от инфаркта. Его раскрыли как-то случайно, не помню уже. А потом ставили эксперимент с обычным мужчиной среднего телосложения и олимпийской чемпионкой по плаванию. Так она даже трезвая не смогла сопротивляться, еле спасли. Получилось, что мужик изобрел идеальный способ убийства. Забавно, да?

Аня кивала и думала, не наклеить ли в кухне фотообои, — после выезда Влада она планировала ремонт.

— Вот что бы ты сделала, если бы у тебя был в ванной труп?

— Растворила бы его в серной кислоте.

Но ассортимент фотообоев ей совсем не нравился. Никаких. Может, сделать кухню в синих тонах в бохо-стиле?..

— Ты что, это трубы разъест.

— Думаешь, лучше распилить?

— Пилить ты заколебешься. Надо резать хорошим острым тесаком. Как — знаешь?

— По сухожилиям.

Нет, в такой маленькой кухне бохо будет смотреться вульгарно. Да и надоеет быстро. Беж?..

— Ага, точно. Только чтобы не забрызгать все кровью, надо в пакет куски оборачивать.

Куски. Фу.

— Как рыбу при чистке?